

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

УДК 34(571.1/.5)(091)

О.Г. Бузмакова

**Дисциплинарная ответственность мировых судей Сибири
в конце XIX – начале XX в.**

В статье исследуется дисциплинарная ответственность мировых судей, которая является разновидностью юридической ответственности наряду с гражданской и уголовной, как элемент правового статуса судей на окраинах России в дооктябрьский период; отмечается, что мировые судьи, учрежденные в Сибири по Временным правилам 1896 г., обладали не только судебными, но и следственными функциями, обязанностями нотариусов и глав некоторых присутственных мест, что неблагоприятно сказывалось на их деятельности; указывается, что дисциплинарная ответственность мировых судей являлась результатом нарушений мировым судьей своих многочисленных и разнообразных обязанностей; анализируются нормы права, наиболее полно закрепившие институт юридической ответственности и порядок привлечения к дисциплинарной ответственности мировых судей, содержащиеся в Учреждении судебных установлений 1864 г. и законодательстве второй половины XIX в.; подчеркивается, что мировые судьи, как и судьи общих судебных мест, пользовались несменяемостью, поэтому к ним первоначально применялось только одно взыскание – предостережение, Закон 1885 г. прибавил к нему вычет из жалованья, в некоторых случаях предусматривал увольнение с должности и перевод в другую местность на равную должность; высказывается мнение, что отличие в порядке привлечения к дисциплинарной ответственности связано с особенностями в порядке осуществления надзора за мировыми судьями, вытекающими из специфики организации судебной власти в Сибири; приводится практика осуществления надзора и привлечения к дисциплинарной ответственности мировых судей, сложившаяся в Сибири в конце XIX – начале XX в., на основе архивных материалов.

Ключевые слова: *история, Сибирь, мировой судья, дисциплинарная ответственность судей.*

В конце XIX в. в Сибири были введены Судебные уставы 1864 г. Одной из особенностей проведенной реформы стало учреждение особого института для рассмотрения мало-значительных дел – института мировых судей, которые были наделены не только судебными, но и следственными функциями по делам, подсудным общим судебным местам. Кроме того, в некоторых местностях на них были возложены обязанности нотариусов и глав некоторых присутственных мест. Такой объем полномочий вместе с увеличенной до 2 000 р. подсудностью по гражданским делам не могли не сказаться на деятельности сибирских мировых судей.

Служебные обязанности судей заключались в точном соблюдении правил делопроизводства (формальные) и в осуществлении правосудия (материальные). Также судьи обязаны были своим поведением поддерживать достоинство судебной власти как на службе, так и вне ее [1]. Нарушение мировым судьей своих обязанностей влекло за собой ответственность.

До настоящего времени вопросы ответственности мировых судей Сибири не станови-

лись предметом специального рассмотрения. Отдельные аспекты, связанные с ответственностью мировых судей Сибири, рассмотрены в работах А.В. Астахова [2, с. 15], Д.А. Глазунова [3, с. 56], Е.А. Крестьянникова [4, с. 143–144], посвященных проведению судебной реформы в Сибири. Институт ответственности мировых судей России рассматриваемого периода нашел отражение в работах С.В. Лонской [5, с. 108]. Общие вопросы развития института юридической ответственности государственных служащих, в том числе судей в дореволюционный период, получили развитие в диссертационных исследованиях Н.В. Гушевой [6], П.А. Дунюшкина [7, с. 13], А.Э. Яковлева [8], а также в статье А.И. Тиганова [9].

И.Я. Фойницкий делил ответственность должностных лиц судебного ведомства на гражданскую, уголовную и дисциплинарную. По его мнению, предметом дисциплинарной ответственности являются деяния, нарушающие достоинство должности, но выделенные из компетенции уголовного суда. Дисциплинарная ответственность имела место не с целью удовлетворения частных интересов, а с целью ограждения достоинства службы. Он

также отмечал, что к моменту принятия Судебных уставов понятие дисциплинарной вины не вполне отделилось от понятия вины уголовной. Та и другая предусматривались уголовным законом, и их разграничение весьма было затруднительным. Дисциплинарной ответственности подлежали лишь такие деяния и упущения должностных лиц судебного ведомства, которые были предусмотрены в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. или за которые было установлено дисциплинарное производство в процессуальном законодательстве [10, с. 265]. Возбуждение дисциплинарного производства было ограничено давностным сроком в один год.

В современных исследованиях также отмечается деление юридической ответственности на три вида: уголовную, дисциплинарную и гражданско-правовую в зависимости от тяжести совершенных правонарушений. По мнению Н.В. Гуцовой, «дисциплинарная ответственность рассматривалась как частный случай уголовной ответственности, когда начальство виновного налагало наказания за малозначительные, нарушающие закон, деяния» [6, с. 7].

А.Э. Яковлев пишет, что критерием деления уголовной и дисциплинарной ответственности судей являлась вина. Им также отмечено, что для дисциплинарной ответственности судей после реформы 1864 г. «характерно то, что она наступала в случае совершения действий, нарушающих достоинство должности, но не подпадающих под юрисдикцию уголовного суда» [8, с. 18]. Кроме того, он высказал мысль о том, что параллельно с юридической ответственностью действовала нравственная ответственность судей «как один из регуляторов их судебной деятельности и поведения, которая основывалась, в первую очередь, на присяге судей, что сближает ее с дисциплинарной ответственностью» [8, с. 20].

Наиболее полное законодательное закрепление институт юридической ответственности судей получил в Судебных уставах 1864 г., в них же нашел отражение порядок привлечения российских судей к юридической ответственности, который окончательно сложился только к концу XIX в.

Мировые судьи, как и судьи общих судебных мест, пользовались несменяемостью, поэтому в соответствии с первоначальной редакцией ст. 264 Учреждения судебных установлений (УСУ) за дисциплинарные правонарушения к ним применялось только одно взыскание – предостережение [11, с. 61]. Закон 1885 г. прибавил к прежнему вычет из жалованья. За упущения по службе, которые по своему значению или множественности свидетельствовали о несоответствии занимаемому положению виновного в них судьи или об очевидном пренебрежении им своими обязанностями, а также в случае, если судья позволил себе такие противные нравственности или предосудительные проступки вне службы, которые не могли быть совместимы с достоинством звания судьи и, став достоянием гласности, лишали совершившего их судью доверия и уважения, необходимых для этого звания, Высшее дисциплинарное присутствие Правительствующего сената, истребовав от судьи объяснение, могло постановить об увольнении его с должности. В случае, если судья своими действиями подавал серьезный повод сомневаться в дальнейшем хладнокровном и объективном исполнении своих обязанностей, при этом уклонялся от перевода в другую местность на равную должность, который ему предлагался, он мог быть перемещен Высшим дисциплинарным присутствием в другую местность на равную судебскую должность [12, с. 219–224].

Исполнение служебных обязанностей обеспечивалось надзором со стороны вышестоящих судебных органов, прокуратуры и министра юстиции. В Сибири непосредственный надзор за мировыми судьями в губернии или области принадлежал окружным судам, поскольку на них возлагались обязанности съезда мировых судей [13, с. 12].

И.Я. Фойницкий отмечал, что надзор включает в себя систему мер, направленных на наблюдение за деятельностью судебных органов и судей с целью разъяснения ее неправильных сторон и устранения их. Наблюдение за деятельностью предполагает прежде всего право знакомиться с ней. Такое ознакомление могло осуществляться при помощи сообщения соответствующими должностными лицами или через жалобы и заявления ча-

стных лиц, а также путем обозрения делопроизводства или даже требования сведений. Наиболее действенными и энергичными способами ознакомления надзорных органов с деятельностью мировых судей Фойницкий считал ревизию на месте и право получения периодических отчетов или донесений. По его мнению, составители Судебных уставов считали ревизию мерой чрезвычайной, всегда более или менее предосудительной для ревизуемого места. При этом ревизия являлась одним из наименее совершенных способов знакомства с деятельностью установления из-за своей случайности и невозможности прибегать к ней часто. Ввиду этого ревизия допускалась Судебными уставами в незначительных объемах. Гораздо целесообразнее, с его точки зрения, были периодические отчеты и донесения на должностное лицо или место. Наконец, для той же цели мог служить вызов должностного лица для личных объяснений, это право Законом от 20 мая 1885 г. было предоставлено министру юстиции. В случае нарушения закона орган надзора принимал меры к восстановлению законного порядка. В право надзора входило и право привлечения к ответственности мировых судей [10, с. 256–257].

В губерниях и областях Сибири обзоры делопроизводства периодически проводились окружными судами как в целом, так и по отдельным вопросам, например только по денежной части. Обзору в целом подлежали: производство предварительных следствий, нерешенные дела мировой подсудности, неисполнение требований и поручений, денежная часть и канцелярское делопроизводство (ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–6 об.; Ф. 32. Оп. 2. Д. 16; ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 95. Л. 8 об. – 28 об.).

Следует отметить, что некоторое время существовала терминологическая путаница относительно того, что же осуществляли окружные суды – ревизию или обозрение. Так, в выписке из протокола постановления Томского окружного суда от 3 мая 1908 г. говорится о ревизии делопроизводства мирового судьи, в то время как в отчете председателя суда, в том же деле – об обозрении делопроизводства (ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 175. Л. 1, 3, 6, 7, 9). Вероятно, такая путаница привела к

решению Правительствующего сената от 12 мая 1908 г., согласно которому окружные суды в Сибири не имели права самостоятельно назначать ревизии делопроизводства мировых судей, а только могли осуществлять обозрение делопроизводства (ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 200. Л. 14).

В результате обозрений делопроизводства мировых судей выявляли такие нарушения, как медленность, неправильное ведение настоящих реестров и денежных книг, несвоевременное представление отчетных ведомостей, отсутствие наблюдения за исполнением полицией приговора и др. Чаще других становилась основанием для возбуждения дисциплинарного производства медленность (ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 325. Л. 129–129 об.; Д. 335. Л. 30–30 об.; ГАНО. Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 8. Л. 7; ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 289). За это нарушение применялось взыскание в виде предостережения.

Правом проводить ревизию делопроизводства мировых судей округа обладал старший председатель судебной палаты по своему усмотрению и по мере надобности. В 1904 г. председателем Иркутской судебной палаты Н.П. Ераковым был обревизован 31 участок, в 1905 г. – 15, в 1906 г. – 20, в 1907 г. – 3, в 1908 г. – 20, в первой половине 1909 г. – 16. Во время ревизии старший председатель палаты знакомился с личным составом, состоянием участков, проверял дела, наряды, книги. Результаты ревизии обобщались и хранились у него. При обнаружении неправильностей давались указания и разъяснения, о чем сообщалось соответствующему окружному суду. При обнаружении более серьезных нарушений мировым судьям предписывалось привести делопроизводство в порядок, для чего выделялся определенный срок. Так, мировой судья Иванов, не исполнив требования в указанное время, был перемещен на должность добавочного мирового судьи. Старший председатель также мог обратиться к министру юстиции с просьбой переместить мирового судью на другой участок, более соответствующий его способностям и деятельности, или мог предложить передать рассмотрение неправильных действий судьи на усмотрение судебной палаты. Так, дисциплинарное производство было

возбуждено в отношении мировых судей Витковского и Шафира. При обнаружении более важных злоупотреблений старший председатель палаты обращался к министру юстиции с представлением об увольнении с должности этого лица. Например, против мирового судьи Гриневича было возбуждено уголовное преследование (ГАИО. Ф. 246. Оп. 7. Д. 116. Л. 89–89 об.).

Жалобы и заявления частных лиц подчас оказывались более действенным способом надзора за мировыми судьями, поскольку обнаружить правонарушения в ходе обзора или ревизии делопроизводства было затруднительно. Например, благодаря именно жалобе частных лиц и действиям полиции были выявлены мировые судьи, занимавшиеся вымогательством, что особо подчеркнул министр юстиции. Один из судей принимал за обвиняемых залогов, которые утаивал, не внося в денежные книги, а в подложных делах показывал другие меры пресечения. Другие судьи занимались вымогательством взяток. Такие нарушения, по мнению Н.П. Еракова, не поддавались никакому учету и надзору и могли быть обнаружены случайно или по жалобам и донесениям (ГАИО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 143. Л. 1; Ф. 246. Оп. 7. Д. 116. Л. 90–91).

Жалобы частные лица подавали не только в случаях вымогательств, но и в случаях грубого и неучтывого отношения мирового судьи к участникам процесса. Например, в результате рассмотрения жалобы иностранца Антонова, Сенат обратил внимание, что судья неучтывым и грубым отношением к обращающимся роняет достоинство носимого им звания судьи, в связи с чем вынес решение разъяснить судье всю неуместность такого поведения. Неблаговидные поступки мировых судей становились предметом рассмотрения надзорным органом также благодаря заметкам в местной прессе, например, неблагоприятное поведение мирового судьи Барнаульского уезда Ковалева на пароходе. В то же время часто жалобы могли быть результатом личной неприязни и оговора, а факты, изложенные в жалобе, не подтверждались в ходе служебной проверки. Так, не подтвердилось обвинение мирового судьи в сговоре с адвокатом [подробнее: 14, с. 78–81].

Более серьезные правонарушения выявлялись по сообщениям лиц прокурорского надзора. Например, мировой судья Минкевич своевременно не исполнил предложение товарища прокурора изменить обвиняемым меру пресечения на не связанную с фактическим содержанием под стражей. В результате арестанты находились под стражей два месяца. Судья был признан виновным и предан суду (ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 325. Л. 191–191; Д. 335. Л. 35).

В начале XX в. дисциплинарная ответственность была также установлена за политическую деятельность. 9 октября 1906 г. определением Общего собрания и Первого кассационного департамента Сената была запрещена судьям принадлежность к какой-либо политической партии. По определению Высшего дисциплинарного присутствия от 5 апреля 1907 г. судья, не пожелавший ни выйти из партии, ни оставить службу, подлежал увольнению в дисциплинарном порядке, а по определению от 6 октября 1907 г. судья мог быть уволен и тогда, когда, выходя из членов политической партии, он позволял себе такие действия, которые свидетельствовали о продолжении им политической деятельности в интересах той или иной партии [10, с. 241]. Так, во избежание дисциплинарной ответственности член Иркутской судебной палаты Х.Ф. Колоколов вынужден был покинуть пост председателя Иркутского отдела Русского собрания [14, с. 84].

Для судей был установлен особый порядок дисциплинарного производства, который позволял обеспечить судебскую независимость (ст. 270–292 УСУ). В Сибири дисциплинарное производство возбуждалось окружным судом в качестве съезда мировых судей. Органом наложения дисциплинарного взыскания для судебных следователей и мировых судей являлась судебная палата, как и в целом по стране (п. 2 ст. 270 УСУ). Необходимым условием для возбуждения дисциплинарного преследования закон ставил требование от обвиняемого должностного лица объяснения. Без объяснения возбужденное преследование было недействительно. Так, в Общем собрании Омского окружного суда 31 марта 1907 г. было возбуждено в отношении мирового судьи Введенского дисципли-

нарное производство. К моменту рассмотрения дела от судьи не поступило ни одного требуемого объяснения. Такое молчание было истолковано Общим собранием суда не иначе, как нежелание дать суду какие-либо объяснения и исполнить предписания суда, в результате было возбуждено дисциплинарное производство, а вся переписка по этому делу представлена в Омскую судебную палату. Мировой судья предоставил объяснения только в судебную палату. Рассмотрев дело о неправильных действиях мирового судьи, палата 17 декабря 1907 г. признала его виновным по одному из семи пунктов обвинения и вынесла ему предостережение, относи-

тельно остальных обвинений он был признан оправданным (ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 289. Л. 1–8).

Таким образом, дисциплинарная ответственность мировых судей как разновидность юридической ответственности получила окончательное законодательное закрепление к концу XIX в., поэтому при проведении судебной реформы в 1896 г. в Сибири было предусмотрено одно отличие в отношении дисциплинарной ответственности, которое проявилось в порядке осуществления надзора за мировыми судьями, что было связано с особенностью организации судебной власти в крае.

Библиографический список

1. *Лыкошин А.С.* Судебное устройство // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/98148Судебное_устройство (дата обращения: 09.03.2015).
2. *Астахов А.В.* Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX – начале XX вв.: структура, состав и функционирование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 23 с.
3. *Глазунов Д.А.* Деятельность судебных учреждений Томской губернии (конец XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во ААЭП, 2006. 136 с.
4. *Крестьянников Е.А.* Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень: Экспресс, 2009. 270 с.
5. *Лонская С.В.* Мировая юстиция в России. Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2000. 215 с.; Ее же. Мировая юстиция в истории Российской империи. Статья 4. Правовой статус мировых судей (1864–1917 гг.) // Мировой судья. 2013. № 6. С. 16–21.
6. *Гущева Н.В.* Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 16 с.
7. *Дунюшкин П.А.* Становление и развитие института дисциплинарной ответственности судей: историко-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. 32 с.
8. *Яковлев А.Э.* Становление и виды юридической ответственности судей в России XV–XIX веков: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
9. *Тиганов А.И.* Юридическая ответственность судей в Российской империи во второй половине XI – начале XX в. // История государства и права. 2010. № 22. URL: http://www.juristlib.ru/book_9862.html (дата обращения: 09.03.2015).
10. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. 4-е изд. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1912. Т. 1. 566 с.
11. Учреждение судебных установлений (УСУ) от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 32–82.
12. О порядке издания общего Наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности судебного ведомства: высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 20 мая 1885 г. // ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1887. Т. 5. № 2959.
13. Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири от 13 мая 1896 г. // Собр. узак. 1896. № 61. Ст. 332.
14. *Бузмакова О.Г.* Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX века. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2012. 206 с.

O.G. Buzmakova

The disciplinary responsibility of magistrates in Siberia in late XIX – early XX century

Abstract. The disciplinary responsibility of magistrates which is a type of legal responsibility together with civil and criminal ones, as an element of a legal status of the judges at the periphery of Russia before the October Revolution is investigated. The paper also highlights that the magistrates established in Siberia by Transitional Regulations in 1896 fulfilled not only judicial but investigative functions, had responsibilities of notaries and heads of some public offices, what made an adverse impact on their activity; the fact that magistrates' disciplinary responsibility was the result of violations of their numerous and diverse responsibilities is disclosed. The legal regulations which specified to the fullest extent the legal responsibility of the magistrates and the procedure of bringing disciplinary action against the magistrates, appeared in the Code of judicial statutes in 1864 and in the legislation of the second half of the XIX century are analyzed. It is emphasized that the magistrates, as well as the general court judges enjoyed irremovability and suffered the only penalty – a warning, according to the Act of 1885 this penalty was extended to the deduction from salaries and in some cases to the dismissal and transfer to another area to an equal position. The statement that the difference in the manner of bringing to the disciplinary action is connected with the peculiarities of the supervision over magistrates determined by the specific organization of the judiciary in Siberia is suggested; the practice of supervision and bringing the disciplinary action against the magistrates established in Siberia in late XIX – early XX century based on the archival materials is concerned.

Key words: *history; Siberia; magistrate; disciplinary responsibility of judges.*

Бузмакова Ольга Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гражданско-правовые дисциплины». E-mail: obuzmakova@mail.ru